

Уродец-Джонни

Он с первого дня чувствовал себя самым невезучим человеком в мире. Этот длинный нос, выпученные как у лягушки глаза, большой и некрасивый рот – всё это давило и угнетало его. Родители старались приободрить его, называли его «самым обыкновенным ребёнком», но мальчик знал – он урод. Его и дразнили все мальчики и девочки с окрестных дворов, что доставляло бедному и одинокому отпрыску своих счастливых родителей жгучую обиду и боль.

- А, это же Джонни-уродец. Полюбуйтесь-ка на него. Маскарад уже закончился, а он всё так и бегаёт в этой безобразной маске, - смеялся Пит – самый высокий и взрослый парень во дворе.

- Да нет, он бы и рад от неё избавиться, только она настолько приросла к нему, что оторвать от своей физиономии силёнок не хватает, - потешался Марк. Оба паренька частенько поколачивали Джонни, а он в свою очередь подолгу отсиживался на чердаке, размазывая по лицу слёзы. Каждое слово отдавалось тупой болью в голове – чуть повыше лба. Бедняга давно заметил это за собой, но так никому об этом и не говорил, даже маме с папой, которые всегда допытывались у своего чада, что же сегодня привело его в слёзы, но он бормотал что-то невнятное, тёр как-будто недавно ушибленное колено и запирался в своей комнате. Боль потихоньку отходила, но не это беспокоило его. Он заметил, что боль сопровождается каким-то видением. Станным видением. Грязно-жёлтая пелена стелилась перед глазами Джонни каким-то ужасным узором. Он не мог ни понять, ни объяснить своего ужаса, но именно этот узор его и пугал. Когда пелена таяла, всё возвращалось на свои прежние места.

- Эй, ты чего, не слышишь что ли? – резкая боль стрельнула в правом ухе. Джонни. повинувшись силе тянущей его вверх, приподнялся и встретился взглядом с Питом – тот держал его за ухо. – Я полагаю, что ему надо дать неплохую трёпку, - молвил он, - что-то наш красавчик начал забывать КЕМ он является.

Его били недолго. В свои двенадцать лет Джонни не отличался ни силой, ни здоровьем. Первые два удара свалили его с ног, а потом инстинктивно закрыв лицо руками, он лежал в пыли стиснув зубы и чувствовал уже в который раз себя в роли затравленного зверя.

Синяки никогда не сходили с его тела. Не было и дня, чтоб кто-нибудь не вспомнил об уроде – любимце и в то же время ненавистнике всего двора. Вот и сейчас, сдерживая удары, мальчик чувствовал, что теряет рассудок. В висках стучало, длинные пальцы, которым позавидовал бы любой начинающий скрипач, стали холодными как лёд.

... Топот. Конский топот. «О, нет. Это удары, меня продолжают бить», - где-то краем сознания Джонни вспомнил где он. Топот. Вот чёрный вороной жеребец, поднимая клубы пыли, несётся прямо на него. Нет! Это не жеребец. О, боже! Это целый табун, их сотни, тысячи! Всё вокруг превратилось в копошащийся чёрный комок. (Черви!). Из лошадиного черепа, прямо из глазницы, лезут чёрные черви. И опять топот. Этот страшный оглушительный топот. Вдруг его тело выгнулось дугой. Под неестественным углом согнулась шея. Тишину разорвал истошный вопль Джонни. Мальчики в страхе попятнулись. Тело лежало неподвижно. Когда улеглась поднятая ногами пыль, все в ужасе увидели окровавленную голову мальчишки. Курчавые волосы слиплись, на лбу зияла рана. Вдруг его тело конвульсивно дёрнулось и замерло. Оцепеневшие от неожиданного поворота событий, подростки начали дико озирались по сторонам и пятиться назад. Первым нарушил гробовую тишину Тони – младший брат Пита.

- Что с ним? – еле выговорил он. Шёпот прозвучал пушечным выстрелом в девственной тишине.

- Пора «делать ноги», - также тихо прошептал Марк.

- Да заткнитесь вы! – цыкнул на них Пит. Надо срочно вызвать врача пока не началось заражение крови - вон сколько её вытекло...

- Боже, ну зачем мы это... - начал всхлипывать самый маленький малыш. Ему было всего семь лет, но жестокостью он не отличался от своих «собратьев по оружию».

- Будешь разводить сопли, Том, ляжешь вместе с ним, - прорычал Пит.

... Топот. Страшный топот. Ураган гнул голые чёрные деревья к земле. Копыта выбивали частую дробь. Вот табун помчался прямо через старое военное кладбище. Бабушка рассказывала Джонни, что во время войны погибших солдат хоронили без гробов и что порой после сильных дождей, когда потоки воды смывали всё на своём пути, нередко одинокие смельчаки выходили после ливня на кладбище и видели невероятные вещи. Сотни костлявых рук, пальцев, ступней торчали из земли. Черепа в злорадной ухмылке обнажали гнилые зубы, а чёрные глазницы взирали молчаливо на непрощенных гостей. Эти рассказы часто вспоминались ночью, когда Джонни пытался заснуть. Он представлял себе, что где-то под его кроватью лежит полуистлевший скелет-солдат, который ухмыляется ему своей трухлявой пастью; и стоит только опустить руку или свесить с кровати ногу, как мертвец тут же схватит за неё и утащит тебя под кровать. От этих мыслей Джонни закутывался в одеяло с головой и, трясясь мелкой дрожью, проводил остаток ночи в полном ужасе. Только под утро, когда начинало светать, он измотанный ночными кошмарами, засыпал. Но сейчас его преследовал больше, чем кошмар. Это был бешенный сумасшедший гул. Кони неслись прямо на кладбище. Живая масса снесла ржавые ворота и ринулась напролом. Тут и там торчали, как после всемирного потопа, белые кисти и стопы мертвецов. Сильные ноги против гнилых останков. Послышался хруст – это дробились кости. Джонни с ужасом смотревший доселе на всё это широко раскрытыми глазами, зажмурился и закрыл лицо руками.

... Топот – удары. Топот – удары. Из под копыта вылетел обломок остаток черепа с треснувшей челюстью. Джонни едва усел увернуться, на секунду приоткрыв один глаз. Череп просвистел как снаряд мимо и, ударившись о стоявшее сзади дерево, разлетелся на тысячу осколков. Этот дикий хруст человеческих костей... Сначала мальчику показалось, что трещат его собственные кости. Неожиданно один из коней замер в прыжке и, повернув к Джонни свою голову (Господи – это же человеческий череп!), сказал зловещим человек.

- Пора делать ноги... - звук вырывался со свистом, как из проколотого колеса.

... Топот – удар. Удар... удар...

Пелена. Джонни отчаянно замотал из стороны в сторону головой, зная, что за жёлто-грязной пеленой последует ужасный узор; и ему почти удалось прогнать его из своего сознания, но пелена в последний момент начала сгущаться и...

Узор. Малыш закричал от ужаса. Конвульсия. Одна, другая. Что за безобразное гротескное чередование линий, кругов, фигур?... Джонни поплыл как по течению реки.

- Что это с ним? – Пит явно был не в себе.

Топот. Топот. Тишина и... Узор!

Джонни резко сел. Мальчишки как один громко вскрикнули. Это был не Джонни-уродец, это был какой-то незнакомый, и вселяющий дрожь, лик нечеловеческий. Глаза его закатились. Вместо привычных карих глаз белели белки с кровавыми веками-прожилками. Страшное лицо казалось ещё более бледным от осевшей на нём пыли. Сидя на земле, тело медленно покачивалось из стороны в сторону: вправо-влево. Широко открытые глаза и белые белки – вот что заставило мальчиков испугаться по-настоящему. Свист вырывался из ноздрей Джонни. Руки, словно кого-то ища, делали хватательные движения, а ногти (неужели у Джонни были такие длинные ногти?) до крови расцарапали ладони.

Четыре застывшие фигурки замерли как кролики перед удавом. Тело Джонни всё так же размеренно покачивалось из стороны в сторону? Вправо-влево...

« Джонни... » - позвал его незнакомый голос.

Когда кони пронеслись, Джонни открыл оба глаза и увидел картину, открывшуюся его очам. Сдавленный стон заставил его окончательно прийти в себя. Он не поверил своим ушам. Стонали могилы. Это было выше его сил. Он начал бежать. Куда бы он не посмотрел, повсюду тянулось это бесконечное кладбище. Казалось, ему не будет конца. Он перепрыгивал через развороченные могилы, иногда чувствуя себя вороним жеребцом, который на ходу дробит кости, пальцы, хрящи... Не рассчитав прыжок, он угодил ногою прямо в грудную клетку одного, наиболее сохранившегося после разрушенных ног коней, скелета. Рёбра сомкнулись мёртвой хваткой капкана на икре. Мальчик упал. Лёжа на земле, он увидел прямо перед собой голову-череп с остатками седых волос. Джонни завопил и быстро сел. Нога так и осталась замкнутой в рёбрах. «Не беда, главное, что она цела. Ну, максимум ушиб, а синяков у меня всегда в достатке, было», - невесело подумал мальчик.

Вдруг от соседней могилы поднялись две струйки жёлто-грязного тумана.

«Только не это, - обомлев от страха, подумал Джонни, - следующий узор будет последним в моей жизни. Я его не переживу».

Две струйки слились воедино и образовали собой лик женщины. Она была бы невероятно красива, если бы её не портили глаза... Да, да, именно глаза. Белизна её белков буквально ослепляла Джонни.

- Не бойся меня, мальчик Джонни из другого мира, - прошептала она, - ты никогда не вспомнишь то, что сейчас увидишь, а вот твои недруги никогда не забудут этих видений. И каждый новый сон для них будет ещё большим кошмаром, чем предыдущий.

Она всё говорила и говорила. Она поведала ему о другой жизни, той, которой живут умершие. Показала такие места, от которых бы у простого смертного волосы стали бы дыбом. Джонни слушал молча, не перебивая, не заметив для себя, что он покачивается с ней в такт. Движения были равномерными из стороны в сторону: вправо-влево, вправо-влево.

- А теперь смотри! – крикнула она и устремила свой длинный костлявый палец вверх.

Джонни поднял голову туда, куда она указывала и краем глаза заметил, что из-за спины женщины блеснуло лезвие косы... Её желтоватого цвета одеяние потемнело и превратилось в чёрное, белые белки глаз вытекли и из образовавшихся пустых глазниц поползли чёрные черви...

Топот. Джонни начал раскачиваться сильнее. Черви. Вправо-влево, вправо-влево. Топот. Черви. Ещё быстрее – вправо-влево. Черви, топот, удары.

Тело металось из стороны в сторону, а потом, потеряв равновесие, с силой ударившись о землю, замерло. Замерло навсегда.

- Что это было? – ледяным голосом еле вымолвил Пит. Его вопрос остался без ответа. У Марка тряслись колени, Том поседел как старик. У семилетнего малыша, не отличавшегося жестокостью от Пита, по ногам на землю сбегали тёплые ручейки.

Мальчишки бежали через кварталы не останавливаясь. Только после получасового бега, четвёрка остановилась перевести дух.

- О чём он говорил? – хватая ртом воздух спросил Марк.

- Не знаю, но ужаснее вещей я никогда не слышал, - сказал Пит, - особенно описание мира по ту сторону смерти. Бррр!... Вспоминать не хочется...

Он оказался прав. Вспоминать действительно не хотелось. Но каждую ночь четырёх мальчишек преследовали кошмары. Испуганные матери будили сонных отцов, и потом вся семья в ночных рубашках и пижамах вбегала в детскую комнату, чтобы увидеть ужасную картину. В четырёх семьях повторялось одно и то же. Каждый из мальчиков сидел на полу и раскачивался из стороны в сторону: вправо-влево. Но ужас вселяли... глаза. Они были закатаны так, что были видны белки с кровавыми прожилками вен. Матери истошно кричали, отцы трясли своих сыновей, вызывались врачи, но всё было тщетно. Днём дети помнили лишь обрывки ночных наваждений, и так повторялось каждую ночь.

Джонни похоронили. А когда минуло девять дней после того страшного дня смерти, начались поистине невероятные вещи. Ровно в полночь четыре тела начали метаться по комнатам, а потом как по мановению палочки невидимого дирижёра, сели на пол и, закатив глаза, начали медленно раскачиваться из стороны в сторону: вправо-влево. Через четверть часа они увеличили свою амплитуду и скорость. Седые волосы Тони, которые выросли за девять дней, как за полгода, развевались в разные стороны – вправо-влево, вправо-влево. Темп нарастал. Теперь в четырёх домах, на одной улице, в одно время, в комнатах раскачивались четыре детских тела. Напрасно родители пытались их удержать – в них будто демон вселился! Тела мелькали так быстро, что белки глаз превратились в одну сплошную белую полосу, и тут всё закончилось. Каждое тело в одно мгновение, в четырёх разных домах, как подкошенное, рухнуло на пол и замерло. Замерло на веки.

Ещё не один месяц местные газеты описывали ночной кошмар той ночи. Обезумевшие от потери своих чад, родители, сошли с ума. Некоторые поступили проще – наложили на себя руки. Но те, кто остался в здравом уме, пересказывали ту историю, услышанную ночью о потусторонних мирах, жизни после смерти. И весь город говорил о факте, который оставался неоспорим. В ту страшную ночь все жители слышали топот, страшный топот...

(17.01.2000)